

**КРАТКОСРОЧНАЯ БАНКОВСКАЯ ЛИКВИДНОСТЬ:
НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ*****Александр Евгеньевич УШАНОВ**

кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента финансовых рынков и банков,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
ushanov_0656@mail.ru

История статьи:

Принята 03.08.2016

Принята в доработанном виде
17.08.2016

Одобрена 02.09.2016

УДК 336.717

JEL: E58, G21

Ключевые слова: Базель III,
норматив краткосрочной
ликвидности, ликвидные
активы, управление
ликвидностью,
стресс-тестирование

Аннотация

Тема. Проблема поддержания ликвидности остается одним из самых серьезных вызовов, с которым сталкивается банковский сектор. Это предопределяет необходимость совершенствования механизма управления ликвидностью. В соответствии с Базелем III с 01.01.2016 в России введен норматив краткосрочной ликвидности (НКЛ). В статье рассмотрены особенности НКЛ, его плюсы и минусы для банков, отличия от действующего показателя НЗ, даны оценка и прогноз соблюдения банками норматива, предложены меры по модификации системы управления ликвидностью в целях соблюдения НКЛ.

Задачи. Задачами работы являются раскрытие сущности и значения НКЛ, сложностей его соблюдения банками, разработка мер в целях выполнения НКЛ.

Цели. Привлечь внимание банковского сообщества к проблеме краткосрочной ликвидности и неотложности разработки мер по изменению парадигмы управления ею.

Методология. На основе сравнительного анализа, синтеза теоретического и практического материала предлагается к практическому использованию система мер по оптимизации процесса управления краткосрочной ликвидностью в банке в целях соблюдения показателя НКЛ.

Результаты. Дана оценка показателю НКЛ, его значимости для банковского сектора, реальности его соблюдения, предложены меры по совершенствованию управления краткосрочной ликвидностью: введение стресс-буфера ликвидности, направления развития стресс-тестирования, методы дестимулирования досрочного изъятия вкладов и др.

Область применения. Корпоративное управление в банке, бизнес-планирование, стресс-тестирование, управление активами и пассивами, внутреннее трансфертное ценообразование.

Выводы. Несмотря на сложности выполнения НКЛ, оценка способности российских банков справиться с ним положительна, но при соблюдении определенных условий: внедрение новых и активизация использования действующих инструментов управления риском ликвидности, развитие систем стресс-тестирования, адекватность методов и форм рефинансирования Банком России кредитных организаций в целях компенсации нехватки высоколиквидных активов для выполнения норматива.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Несмотря на снижение структурного дефицита ликвидности российского банковского сектора на 4,1 трлн руб. в 2015 г.¹ и прогнозируемый Банком России переход к его профициту в начале 2017 г.², повышение банковской ликвидности остается первоочередной и самой серьезной проблемой [1, 2]. Стабилизирующие действия, произведенные

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ 2016 г.

¹ В том числе на 3,1 трлн руб. за счет уменьшения остатков средств на счетах расширенного правительства в Банке России, на 0,5 трлн руб. из-за уменьшения наличных денег в обращении, на 0,4 трлн руб. в результате валютных интервенций, на 0,1 трлн руб. как результат регулирования обязательных резервов кредитных организаций.
URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9001787>

² ЦБ РФ подтверждает переход к структурному профициту ликвидности в начале 2017 года.
URL: http://arb.ru/b2b/news/tsb_rf_podtverzhaet_perekhod_k_st_rukturnomu_profitsitu_likvidnosti_v_nachale_20-10028668

государством за последние два года, обошлись бюджету в 3,4% ВВП, а отрасль покинули десятки заметных участников.

Во II квартале 2016 г. банковская система показывала разнонаправленную динамику показателей ликвидности. Из топ-100 российских банков по размеру активов 49 банков в апреле ухудшили свои показатели суммарно на 256 пунктов барометра ликвидности (п.б.)³ (показателя, который некоторые экономисты предлагают регулярно использовать наряду с

³ Барометр ликвидности – специальный интегральный показатель, рассчитываемый Национальным рейтинговым агентством по собственной методике. В основе методики лежит определение ликвидности как соответствия сроков до погашения активов срочности обязательств кредитной организации, причем ликвидность оценивается в трех разрезах: как общая ликвидность баланса, текущая ликвидность на сроке до трех месяцев и среднесрочная на сроке до одного года.

коэффициентами ликвидности [3]), а 27 – улучшили, но всего на 139 п.б. Можно констатировать, что проблема дефицита ликвидности практически ушла на периферию у крупных и системно значимых банков, но еще больше обострилась у средних.

Динамика показателей *долгосрочной* и краткосрочной ликвидности банковского сектора за последние 2,5 года также малоутешительна (табл. 1 и 2)⁴.

Как следует из анализа данных табл. 1, рассчитанный по форме банковской отчетности № 0409125 показатель, характеризующий коэффициент использования *краткосрочных* обязательств для формирования долгосрочных активов, вырос за указанный период в 1,3 раза.

Еще в большей степени увеличился за аналогичный период дефицит ликвидного покрытия (ДЛП), характеризующий уровень краткосрочной ликвидности, – в 1,8 раза (табл. 2)⁵.

Как показал прошедший мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и демонстрирует текущий отечественный, многие банки в такие периоды начинают испытывать проблемы именно с краткосрочной ликвидностью [4, 5]. Наиболее устойчивыми оказываются те из них, у которых есть достаточно высоколиквидных активов, чтобы обеспечить бесперебойную работу хотя бы в течение месяца.

Базельский комитет по банковскому надзору (далее – БКБН), разрабатывая новые требования в рамках Базеля III, своими документами «Basel III: The Liquidity Coverage Ratio and liquidity risk monitoring tools (January 2013)» и «Principles for Sound Liquidity Risk Management and Supervision (September 2008)» ввел целый ряд показателей по существенному увеличению устойчивости банковской системы. Так, для оценки стабильности банков введено два норматива

⁴ Обзор банковского сектора РФ Банка России. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1606.pdf

⁵ Дефицит ликвидного покрытия – один из показателей ликвидности кредитных организаций, отражающий недостаток у них ликвидных активов для покрытия краткосрочных обязательств. Определяется как доля таких обязательств, не покрытых соответствующими активами, которая рассчитывается как процентное отношение превышения обязательств со сроком погашения до 30 дней над ликвидными активами аналогичной срочности к величине указанных краткосрочных обязательств. Положительное значение показателя свидетельствует о существовании дефицита ликвидного покрытия.

ликвидности: показатель краткосрочной ликвидности (Liquidity Coverage Ratio, LCR) и показатель чистого стабильного финансирования (Net Stable Funding Ratio, NSFR), которые должны стать внешними индикаторами устойчивости банков на случай возникновения проблем с ликвидностью [4].

Новый норматив ликвидности LCR рассчитывается как процентное соотношение величины высококачественных, высоколиквидных активов и чистого ожидаемого оттока денежных средств по всем операциям банка в течение ближайших 30 календарных дней. Он показывает, имеет ли банк возможность своевременно и полностью выполнять свои обязательства в перспективе месяца в условиях финансовой турбулентности.

Активы, учитываемые в составе высоколиквидных активов (далее – ВЛА), разделены на два уровня. Доля наиболее ликвидных активов первого уровня не регламентирована, доля менее качественных активов второго уровня не может превышать 40% от всех высоколиквидных активов. На втором уровне в свою очередь могут быть выделены два подуровня (А и Б). Доля активов подуровня Б не может превышать 15% всех ВЛА и должна учитываться в составе 40% активов второго уровня. При расчете активы в зависимости от их реальной ликвидности взвешиваются с определенными дисконтами: 0% (для активов первого уровня), 15% (для активов уровня 2А), 25% (для активов уровня 2Б) и 50% (для прочих).

Банк России 29.12.2015 принял решение об установлении с 01.01.2016 норматива краткосрочной ликвидности (далее – НКЛ), разработанного в соответствии с документами БКБН, на минимально допустимом числовом значении в размере 70%, с последующим повышением на 10 процентных пунктов ежегодно до достижения значения 100% с 01.01.2019 [6]. Расчет норматива будет производиться в соответствии с требованиями Положения Банка России от 03.12.2015 № 510-П «О порядке расчета норматива краткосрочной ликвидности («Базель III») системно значимыми кредитными организациями»⁶.

⁶ К числу таковых относятся ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), Банк ГПБ (АО), АО «ЮниКредит Банк», АО «АЛЬФА-БАНК», ПАО Банк «ФК «Открытие», ОАО «РОСБАНК», ПАО «Промсвязьбанк», АО «Райффайзенбанк», АО «Россельхозбанк».

Новые требования к ликвидности призваны способствовать:

- переходу российской банковской системы от экстенсивной к интенсивной модели развития;
- переводу работы Банка России в русло досрочного профилактического предупреждения банкротства кредитных организаций путем постоянного отслеживания реального использования средств, оценки излишка или дефицита ликвидности, излишней концентрации источников фондирования и наличия качественных активов;
- повышению финансовой устойчивости банков в условиях дефицита ликвидности;
- повышению качества активов банков;
- укреплению имиджа России как цивилизованной в финансово-экономическом отношении страны, а в более долгосрочной перспективе – повышению инвестиционной привлекательности российских банков.

НКЛ не является чем-то необычайно новым для российского банковского сообщества. Практически это более жесткий действующий норматив текущей ликвидности (НЗ), но, во-первых, предъявляющий более строгие требования по покрытию отдельных категорий привлеченных средств со сроком погашения до 30 дней, во-вторых, предполагающий сужение перечня активов, признаваемых ликвидными, в-третьих, рассчитываемый более «тонким» способом с учетом различных степеней вариативности отдельных групп пассивов [7].

Отличия НКЛ от НЗ сводятся к следующему:

- минимально допустимое численное значение НКЛ (70% на 01.01.2016) превышает значение норматива НЗ, введенного Банком России (50%);
- сужение перечня активов, признаваемых ликвидными: в ликвидные активы при расчете НКЛ включаются лишь наличность, суверенные долги, корсчета, депозиты и резервы, размещенные в Банке России, долговые ценные бумаги развитых стран (выпущенные центральными банками, правительствами или от имени государств или МФО), а также частично (с дисконтом 15%) ценные бумаги нефинансовых эмитентов с рейтингом инвестиционной

категории. То есть ликвидные активы в основном ограничиваются средствами, размещенными в Банке России, ОФЗ, казначейскими бондами США, Германии, а также облигациями корпораций с рейтингом не ниже ВВВ– (в РФ к таким, в частности, относятся ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «Газпром», ОАО «НОВАТЭК», ОАО «РЖД», ПАО «НЛМК»);

- НКЛ предусматривает более высокие требования к качеству ликвидных активов. Кроме этого, установлены дополнительные критерии для ценных бумаг, включаемых в ВЛА.

К плюсам НКЛ относится то, что он лучше учитывает специфику управления банками собственной ликвидностью, нежели пруденциальные стандарты, которые применялись и применяются в России до сих пор. Норматив будет полезен не только крупным банкам, ведущим международную деятельность, но и небольшим кредитным организациям [8]. Очень важно и то, что в целях соблюдения НКЛ банки будут вынуждены перейти к активному поиску долгосрочных источников финансирования, что улучшит качество кредитного портфеля [15].

Вместе с тем новый норматив не лишен недостатков:

- в период кризиса резервные активы, на которые наложены ограничения реализации, могут значительно обесцениться, что приведет к выбытию этих же активов;
- для выполнения минимального числового значения НКЛ в 80% с 01.01.2017 банки должны будут держать на балансе значительные суммы высоколиквидных активов, не приносящих прибыли, что может отразиться на снижении рентабельности;
- более сложная, чем при расчете норматива НЗ, техника расчета [9] и др.

Основные трудности, стоящие на пути выполнения российскими банками показателя НКЛ, состоят в следующем:

- 1) отсутствие достаточного количества подходящих ликвидных ценных бумаг на рынке. По Базелю III – самые высоколиквидные активы (кроме денег в кассе и средств на счетах в центральном банке) – это, как уже отмечалось,

иностранные (развитых стран) и российские государственные или гарантированные государством долговые ценные бумаги, бумаги, выпущенные (или гарантированные) международными финансовыми организациями и банками развития. С учетом того что объем госдолга невелик, а иностранных госбумаг и бумаг российских эмитентов, имеющих наивысшие рейтинги, на балансах отечественных банков немного, то найти нужный объем таких активов для российских кредитных организаций непросто [10–13];

- 2) возможность включения банками в расчет НКЛ ценных бумаг из 19 категорий, но в российской реальности встречаются бумаги только четырех.

Банк России, учитывая недостаток (в целях расчета норматива) высоколиквидных активов у банков, разрешил включать в расчет числителя НКЛ величины лимитов открываемых им безотзывных кредитных линий и высоколиквидных активов в отдельных иностранных валютах в части, превышающей потребности в этой валюте, в качестве дополнительных требований (активов). В рамках реализации своего решения мегарегулятор предоставляет кредитным организациям возможность заключить договоры об открытии безотзывной кредитной линии [12, 14] в соответствии с Приложением 1 к Приказу Банка России от 30.11.2015 № ОД-3381 «О предоставлении кредитов в рамках договоров об открытии безотзывной кредитной линии». На сегодняшний день ее совокупный лимит – 600 млрд руб., ею воспользовались менее половины из 10 системно значимых банков⁷.

Здесь необходимо отметить, что у ведущих российских банков имеется существенный объем обеспечения, который может быть использован для привлечения средств от Банка России с помощью действующих и новых инструментов рефинансирования. При этом даже в случае ухудшения экономической ситуации в России большая часть рыночного обеспечения останется приемлемой для операций рефинансирования со стороны Банка России, поскольку оно преимущественно имеет кредитный рейтинг на уровне, превышающем минимально установленные требования мегарегулятора.

⁷ О внедрении норматива краткосрочной ликвидности. URL: http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=29122015_185140ik2015-12-29T18_45_44.htm.

Проведенный автором на основе официальных статистических и эмпирических данных анализ фактического уровня соблюдения российскими банками НКЛ за период с 2011 по 2016 г. (первый квартал) как по банковской системе в целом, так и отдельно – по системно значимым банкам, показал определенные результаты (табл. 3).

Расчеты на конец 2011 г., произведенные по данным таких банков, как ПАО «Сбербанк», ВТБ 24 (ПАО), ПАО «БИНБАНК», ПАО «БАНК УРАЛСИБ», ПАО «Банк Санкт-Петербург», ПАО Банк «ФК «Открытие», ПАО АКБ «АВАНГАРД», показали крайне низкий коэффициент краткосрочной ликвидности, что могло быть связано с тем, что активы банков находились в других операциях (например, в кредитовании), которые не учитываются НКЛ. Подтверждение этому – разрыв ликвидности (нетто-позиция) на временном отрезке до 30 дней: в ВТБ 24 (ПАО) – минус 157,2 млрд руб., в ПАО «Сбербанк» – минус 560,7 млрд руб.

По состоянию на 01.04.2013 среднее значение показателя НКЛ по российскому банковскому сектору в соответствии с Базелем III составило 47%.

В Департаменте финансовой стабильности Банка России в целях оценки уровня выполнения СЗБ банками норматива краткосрочной ликвидности был сделан анализ наличия высоколиквидных активов (далее – ВЛА), соответствующих критериям Базеля III, по данным на 01.10.2015⁸.

Исследование показало, что номинированные в национальной валюте высоколиквидные активы крупнейших банков были сформированы преимущественно активами первого уровня (ВЛА-1). Согласно отчетности на соло-основе на них приходилось свыше 95% совокупного объема высоколиквидных активов (табл. 4).

В свою очередь ВЛА-1 были сформированы в основном тремя видами активов: наличной валютой, средствами кредитных организаций в Банке России и долговыми ценными бумагами Правительства РФ, номинированными в рублях, – облигациями федерального займа (ОФЗ). При этом из указанных трех источников формирования

⁸ Анализ потребности в высоколиквидных активах в российском банковском секторе. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/szco.pdf

ВЛА-1 наиболее значительным являются вложения в ОФЗ.

По состоянию на 01.10.2015 чистый ожидаемый отток денежных средств системно значимых банков превышал объем имеющихся в их распоряжении высоколиквидных активов. Основными составляющими ожидаемых оттоков являлись клиентские средства (как физических, так и юридических лиц). Чистый ожидаемый отток средств составляет *4,9 трлн руб.* (табл. 5), тогда как объем ВЛА, скорректированный с учетом ограничений на структуру ВЛА (табл. 1), – *2,9 трлн руб.*

Соответственно, норматив НКЛ, рассчитанный в целом по системно значимым российским банкам, по состоянию на 01.10.2015, *составлял 59%* ($2,9/4,9 \cdot 100\%$).

Для достижения нормативом уровня в 70% дополнительно потребовалось бы *0,5 трлн руб.*, уровня в 100% – *2 трлн руб.*

К аналогичному выводу, но уже по результату оценки 686 банков, пришли аналитики АО «Райффайзенбанк» при рассмотрении ликвидной позиции кредитных организаций на предмет выполнения показателя НКЛ. У 282 банков (41% из числа рассмотренных) на конец 2015 г. не оказалось достаточного объема ликвидных активов. При этом в анализируемом списке присутствовали как крупные (Банк ВТБ (ПАО), ПАО Банк «ФК «Открытие» и др.), так и средние и небольшие банки⁹.

По состоянию на 01.02.2016 норматив краткосрочной ликвидности НКЛ, согласно данным Банка России, *выполнили все 10* системно значимых кредитных организаций¹⁰.

Тем не менее в рамках пессимистического сценария мегарегулятора его прогноз по выполнению системообразующими банками показателя НКЛ на период до 01.01.2018 достаточно осторожен: прогнозируется выполнение норматива на уровне 58,1% на 01.01.2017 и на 01.01.2018 (табл. 6). Однако

представляется, что в этом есть определенный элемент перестраховки: при ожидаемом значении НКЛ на 01.01.2016 59,6%, норматив (70%), как было отмечено, был выполнен всеми системообразующими банками.

Системно значимым банкам для соблюдения запланированных до 2019 г. значений НКЛ (80% – на 01.01.2017, 90% – на 01.01.2018, 100% – на 01.01.2019) прежде всего будет необходимо:

- держать большой объем краткосрочных обязательств (который сейчас размещается на МБК) на депозите в Банке России и/или ОФЗ;
- распродать/заложить по РЕПО при необходимости часть портфеля ценных бумаг, продать/заложить кредиты, сконвертировать часть валютных активов в рублевые (чтобы соответствовать срочности);
- воспользоваться при необходимости платной линией ликвидности от Банка России (под залог активов) под 0,15% годовых, которая, по сути, аналогична, но пока существенно дешевле привлечения залогового рефинансирования от Банка России.

С точки зрения структуры баланса банка и управления рисками неизбежным станет:

- более активное использование ликвидных ценных бумаг, являющихся активами с меньшим уровнем доходности;
- включение системы планирования финансов и ликвидности в бизнес-планирование; установление лимитов (например, лимитов средневзвешенных сроков погашения) и стимулов для инициативного управления структурой баланса (в том числе с помощью трансфертных цен);
- усовершенствование процессов и мер контроля в отношении ежедневного управления ликвидностью по всем направлениям деятельности, юридическим лицам и валютам [16];
- обеспечение в рамках корпоративного управления более строгого контроля со стороны Совета директоров банков и их высшего руководства;
- использование инструментов управления риском ликвидности, в частности комплексное прогнозирование потоков денежных средств;

⁹ RAIF: Daily Focus.

URL: <http://www.raiffeisen.ru/common/img/uploaded/files/investment/review/2015/daily151221.pdf>

¹⁰ ЦБ: Норматив краткосрочной ликвидности выполнили все системно значимые банки.

URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/2016/02/29/631796-normativ>

– дальнейшее развитие систем стресс-тестирования в следующих направлениях:

- разработка более подробных и прозрачных допущений, охватывающих более широкий спектр факторов риска;
- введение нескольких измерений для стресс-тестирования, среди которых тестирование по валютам, по операциям внутри группы, а также до и после действий руководства;
- развитие возможностей систем и данных для более частого и более сложного стресс-тестирования;

– повышенное внимание к внутреннему трансфертному ценообразованию: необходимость распределения затрат, выгод и рисков, связанных с поддержанием ликвидности, по всем значительным видам деятельности.

В целях улучшения системы управления активами и пассивами и оказания поддержки банкам в связи с введением НКЛ представляется необходимым следующее.

Во-первых, выделить в качестве составляющей *стресс-буфер ликвидности*, то есть уровень ликвидности, который может потребоваться в случае кризиса. Например, если прогнозируемые выплаты по клиентским депозитам в ближайшие 30 дней составят 1 000 млн руб. для текущей ситуации на рынке и 1 300 млн руб. для ситуации возможного кризиса, то требуемый уровень стресс-буфера ликвидности равен 300 млн руб.

При этом необходимо разделить функции по расчету требований к объему ликвидных активов по уровню ликвидности на «нормальные» (уровень, необходимый для текущей деятельности банка в нормальных условиях) и стресс-буфер: затраты на поддержание стресс-буфера будут отнесены к подразделениям риск-менеджмента (клиентским сегментам) банка, а на поддержание нормальных требований – к казначейству банка.

Казначейство должно будет поддерживать объем ликвидных активов для обоих уровней, основными составляющими которых в целях расчета НКЛ являются наличные деньги, счета в Банке России, государственные облигации, другие высоколиквидные ценные бумаги (облигации с высоким рейтингом и т.д.), а подразделение риск-менеджмента – производить расчет требований к объему ликвидных активов как для текущей

деятельности, так и для стресс-сценария (обычно стресс-сценарий подразумевает более высокие требования в связи с тем, что ожидается более активный отток депозитов). Поскольку НКЛ заключается в том, что банки должны поддерживать необходимый уровень высоколиквидных активов, достаточный для того, чтобы выдержать 30-дневный стрессовый сценарий, *подобное моделирование позволит подстроиться под новые требования Базеля III*.

Объем стресс-буфера рассчитывается подразделениями риск-менеджмента и казначейства и утверждается Комитетом по управлению активами и пассивами.

Во-вторых, более активно использовать в качестве одного из основных инструментов управления ликвидностью отчет о несовпадениях (который может быть основан на контрактных или поведенческих данных). Он может использоваться для анализа активов и обязательств, выявления несоответствий, при проведении стресс-тестирования и для определения требований к буферам ликвидных активов. Приведем пример использования отчетов о несовпадениях (табл. 4).

В-третьих, поскольку оттоки депозитов юридических лиц и вкладов физических лиц могут *нивелировать* эффективность НКЛ¹¹, целесообразно законодательно внести изменения в механизм дестимулирования досрочного изъятия средств вкладчиками: оно должно заключаться не в потере начисленных процентов вкладчиком, а в их начислении, в случае досрочного изъятия, только за период хранения средств на депозитном счете, с удержанием с клиента за оставшийся период штрафа из расчета ключевой ставки. При этом данное правило не распространяется на вкладчиков, которые изымают деньги до наступления середины срока договора. Их процентный доход будет равен нулю, что одновременно удовлетворяет нормам ГК РФ [17].

Данная новация в нормативно-правовой базе будет способствовать более взвешенному подходу клиентов к вопросу выбора банка, росту стабильности ресурсной базы кредитных организаций и меньшей подверженности банковского сектора негативным последствиям паники среди населения, которая регулярно наблюдается в России.

¹¹ Софронова В.В. Ликвидность банков в современных условиях // Финансы и кредит. 2012. № 44. С. 22–27.

В-четвертых, внедрить в практику работы СЗБ обязательное использование экономико-математических моделей, с помощью которых проводить, по аналогии с анализом показателя НЗ, факторный анализ уровня выполнения НКЛ в динамике, а также осуществлять прогнозирование его соблюдения в будущем (например, применять уже разработанные регрессионно-корреляционные модели, отражающие динамику мгновенной, текущей и долгосрочной ликвидности банка) [18].

В-пятых, учитывая опыт лучших международных практик управления риском ликвидности, включить выполнение НКЛ в список КРІ ведущих отечественных банков.

Оценка способности российских кредитных организаций справиться с новым нормативом краткосрочной ликвидности на начало 2016 г.

положительна: все 10 системно значимых банков, по данным Банка России, выполнили НКЛ (70%).

Несмотря на то что прогнозный пессимистический сценарий Банка России предполагает невыполнение показателя на 01.01.2017 и 01.01.2018 (табл. 5), есть все основания полагать, что перспективы его соблюдения системообразующими банками не внушают опасений [19], но при определенных условиях:

– с учетом внедрения новых и активизации использования действующих инструментов управления риском ликвидности и дальнейшего развития систем стресс-тестирования;

– с учетом адекватности методов и форм рефинансирования Банком России в целях компенсации нехватки высоколиквидных активов банков [20].

Таблица 1

Соотношение долгосрочных активов и пассивов банковского сектора в 2014–2016 гг.

Table 1

Ratio of non-current assets and liabilities in the banking sector, 2014–2016

Показатель	2014	2015	2016		
	01.01	01.01	01.01	01.04	01.05
Степень использования краткосрочных обязательств в качестве источника формирования долгосрочных ликвидных активов, %	23,9	23,8	30,9	31,2	31,7

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2

Соотношение краткосрочных активов и пассивов банковского сектора в 2014–2016 гг., %

Table 2

Ratio of current assets and liabilities in the banking sector, 2014–2016, %

Показатель	2014	2015	2016		
	01.01	01.01	01.01	01.04	01.05
ДЛП	8,6	10,7	16,5	15,4	15,6

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 3

Выполнение российскими банками норматива краткосрочной ликвидности

Table 3

The Russian banks' compliance with the short-term liquidity ratio

Период	Выполнение норматива краткосрочной ликвидности
2011 г.	Крайне низкое значение НКЛ (анализ по 7 крупнейшим банкам)
На 01.04.2013	НКЛ = 47% (анализ всех банков)
На 01.10.2015	НКЛ = 59% (анализ системно значимых банков)
Конец 2015 г.	НКЛ не выполнили 282 банка из 686 проанализированных
На 01.02.2016	НКЛ выполнили все 10 системно значимых банков (значение норматива – 70%)

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 4

Основные показатели, характеризующие структуру высоколиквидных активов, номинированных в рублях, системно значимых банков по состоянию на 01.10.2015

Table 4

Key indicators of the structure of highly marketable assets denominated in RUB and held by too-big-to-fail banks, as of 1 October 2015

Номер строки (по форме 0409122)	Показатель	Взвешенная величина требований, млрд руб.	Доля во ВЛА с учетом ограничений на структуру ВЛА, %
1	Высоколиквидные активы, скорректированные с учетом ограничений на структуру высоколиквидных активов (ВЛА – ВК)	2 922	100
1.1	ВЛА-1	2 827	96,7
1.1.1	Наличная валюта	565	19,4
1.1.3	Средства в Банке России	916	31,4
1.1.7	Долговые ценные бумаги, номинированные в рублях, выпущенные Правительством РФ или Банком России	1 341	45,9
Б/п, справочно	Прочие виды ВЛА-1	5	0,2
1.7	ВЛА-2	96	3,3
1.2	ВЛА-2А	1	0
1.5	ВЛА-2Б	95	3,3
1.3.2	Долговые ценные бумаги (кроме облигаций с ипотечным покрытием), выпущенные нефинансовыми организациями, имеющими рейтинг долгосрочной кредитоспособности по международной шкале на уровне от «А+» до «BBB-» либо от «А1» до «ВАА3»	86	2,9

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 5

Отдельные показатели системно значимых кредитных организаций, характеризующие структуру ожидаемых оттоков и притоков по операциям в рублях по состоянию на 01.10.2015

Table 5

Some indicators of too-big-to-fail credit institutions reflecting the structure of projected outflows and inflows from RUB transactions, as of 1 October 2015

Номер строки (по форме 0409122)	Показатель	Взвешенная величина обязательств, млрд руб.
2	<i>Ожидаемые оттоки денежных средств</i>	6 794
2.1	Ожидаемый отток денежных средств физических лиц	969
2.2	Ожидаемый отток денежных средств клиентов, привлеченных без обеспечения	3 964
2.2.3	Депозиты и прочие привлеченные средства юридических лиц (за исключением финансовых организаций) и государственных органов, итого	1 996
2.2.5	Прочие привлеченные денежные средства без обеспечения	1 278
2.2.5.2	Средства финансовых организаций	924
2.4	Дополнительно ожидаемые оттоки денежных средств	1 624
2.4.1	Ожидаемые оттоки денежных средств по производным финансовым инструментам	482
3	<i>Ожидаемый приток денежных средств</i>	1 845
3.3.1	Поступления от операций с финансовыми организациями	388
3.5	Ожидаемый приток денежных средств по производным финансовым инструментам	666
4	<i>Ожидаемый приток денежных средств после применения ограничения на максимально допустимую величину</i>	1 845
5	<i>Чистый ожидаемый отток денежных средств</i>	4 949

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 6

Высоколиквидные активы, номинированные в рублях, системно значимых кредитных организаций, и чистые ожидаемые оттоки по операциям в рублях, трлн руб.

Table 6

Highly marketable assets denominated in RUB and held by too-big-to-fail credit institutions and net projected outflows from RUB transactions, trillion RUB

№ п/п	Показатель	2015	2016	2017	2018
		01.10 (факт)	01.01 (прогноз)	01.01 (прогноз)	01.01 (прогноз)
1	ВЛА-1	2,8	3	3,5	4,2
2	ВЛА-2	0,1	0,1	0,1	0,1
3	Чистые ожидаемые оттоки	4,9	5,2	6,2	7,4
4	Разница между ВЛА и ожидаемыми оттоками (1+2–3)	–2	–2,1	–2,5	–3
5	НКЛ, %	59,2	59,6	58,1	58,1

Источник: URL: <http://www.cbr.ru/publ/Vestnik/ves151230121.pdf>

Source: Available at: <http://www.cbr.ru/publ/Vestnik/ves151230121.pdf>

Список литературы

1. Овсянников С.И. Риски ликвидности коммерческого банка: особенности оценки в новых экономических условиях // Символ науки. 2015. № 7. С. 99–104.
2. Селявина Е., Андрианов В. Базельские соглашения: особенности внедрения в коммерческих банках и финансовых институтах развития // Общество и экономика. 2013. № 6. С. 171–190.
3. Михайлюк О.Н. Некоторые особенности анализа банковской ликвидности на примере конкретного банка // Агропродовольственная политика России. 2014. № 10. С. 54–58.
4. Мазанова О.А. О необходимости совершенствования системы показателей ликвидности в банковском секторе // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 19–22.
5. Мехдиев Х.О.О. Макроэкономический эффект внедрения стандартов Basel III // Международный научный журнал. 2011. № 5. С. 14–18.
6. Казанский А.В. Базельские стандарты капитала, ликвидности и управления рисками // Проблемы современной экономики. 2015. № 4. С. 166–169.
7. Убушуев С.В. Сравнительный анализ показателя краткосрочной ликвидности (ПКЛ) и норматива НЗ, особенности и проблемы внедрения // Инновации и инвестиции. 2015. № 10. С. 68–72.
8. Руденко А.М. Оценка восприятия новых стандартов ликвидности российскими коммерческими банками // Вестник алтайской науки. 2015. № 2. С. 224–228.
9. Цурова Л.А. Банковский капитал и ликвидность: в развитие требований Банка России (Базель III) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2. С. 822–824.
10. Шумакова О.Д., Сарычев А.А. Проблемы управления ликвидностью банков в условиях кризиса // Вестник Костромского государственного технологического университета. Серия: Экономические науки. 2015. № 1. С. 39–41.
11. Маркова О.М. Применение международных требований по обеспечению капитала и показателей ликвидности (Базель III) в коммерческих банках России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2014. № 11. С. 59–65.
12. Васильева Т.А. Показатель краткосрочной ликвидности банков в условиях перехода на международные стандарты «Базель III» // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 47–49.
13. Рыкова И.Н. Ликвидность крупнейших банков в условиях нестабильности финансового рынка // Банковское дело. 2015. № 5. С. 32–37.

14. *Губков Е.А.* Безотзывная кредитная линия Банка России: инструмент рефинансирования или способ соблюдения норматива краткосрочной ликвидности? // *Банковские услуги*. 2016. № 3. С. 10–13.
15. *Зенченко С.В., Ильченко К.М.* О внедрении и реализации требований Базель-3 в системе риск-менеджмента коммерческого банка // *Вестник СевКавГТИ*. 2014. № 18. С. 13–17.
16. *Эристаев А.А.* Влияние на участников платежной системы требований к краткосрочной ликвидности кредитных организаций в соответствии с «Базель III» // *Банковские услуги*. 2015. № 12. С. 20–22.
17. *Носова И.В.* Новые меры пруденциального регулирования и надзора // *Банковское дело*. 2015. № 5. С. 26–31.
18. *Кореков А.В.* К вопросу об управлении краткосрочной ликвидностью коммерческого банка // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2015. № 2. С. 59–65.
19. *Матовников М.Ю.* Новации в регулировании: зло или благо? // *Деньги и кредит*. 2012. № 5. С. 30–34.
20. *Шелкунова Т.Г., Гасиева Д.К.* Мониторинг управления ликвидностью кредитных организаций в России // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2014. № 38. С. 183–193.

SHORT-TERM BANK LIQUIDITY: NEW REQUIREMENTS AND CONTROLS**Aleksandr E. USHANOV**

Financial University under Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ushanov_0656@mail.ru

Article history:

Received 3 August 2016

Received in revised form

17 August 2016

Accepted 2 September 2016

JEL classification: E58, G21

Keywords: Basel III,
short-term liquidity ratio,
marketable assets, liquidity
management, stress test

Abstract

Importance Liquidity and the need to maintain it remain one of the most crucial challenges for the banking sector, thus requiring to improve the liquidity management mechanism. As adopted under Basel III, Russia introduced the short-term liquidity ratio on 1 January 2016. The article reviews the specifics of the short-term liquidity ratio, its strengths and weaknesses, difference from the existing indicator N3, evaluates and forecast how banks will manage to maintain this ratio, and suggests how the liquidity management systems should be modified in order to meet the short-term liquidity ratio.

Objectives The research reveals the substance and significance of the short-term liquidity ratio, difficulties for banks to comply with it, devises measures to meet the short-term liquidity ratio as required. I also pursue calling the banking community's attention to short-term liquidity issues and an urgent need to choose measures to change its management paradigm.

Methods Based on a comparative analysis, synthesis of theoretical and practical materials, I suggest using a set of measures to optimize the short-term liquidity management in banks so to meet the required ratio.

Results I evaluated the short-term liquidity ratio, its significance for the banking sector, possibility to comply with its, and suggested how the short-term liquidity management could be improved.

Conclusions and Relevance Notwithstanding difficulties in complying with the short-term liquidity ratio, the Russian banks are evaluated to be capable of maintaining it, provided that they meet certain conditions. They should implement new liquidity risk management tools and activate the existing ones, develop the stress testing mechanism, methods and formats of the Central Bank of Russia's refinancing for credit institutions so to compensate the shortage in highly marketable assets needed to meet the ratio. The results can be useful for purposes of corporate governance in banks, business planning, stress testing, management of assets and liabilities, internal transfer pricing.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Acknowledgments

This article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds within the State job to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2016.

References

1. Ovsyannikov S.I. [Liquidity risks of commercial banks: the specifics of its assessment in new economic circumstances]. *Simvol nauki = The Symbol of Science*, 2015, no. 7, pp. 99–104. (In Russ.)
2. Selyavina E., Andrianov V. [Basel Accords: specific features of implementation in commercial banks and financial development institutions]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*, 2013, no. 6, pp. 171–190. (In Russ.)
3. Mikhailyuk O.N. [Some specifics of bank liquidity analysis with evidence from the specific bank]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii = Agrifood Policy of Russia*, 2014, no. 10, pp. 54–58. (In Russ.)
4. Mazanova O.A. [On the need to improve a set of liquidity indicators in banking]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal*, 2012, no. 1, pp. 19–22. (In Russ.)
5. Mekhdiev Kh.O. [Macroeconomic effect of Basel III implementation]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = International Scientific Journal*, 2011, no. 5, pp. 14–18. (In Russ.)
6. Kazanskii A.V. [The Basel standards on capital, liquidity and risk management]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2015, no. 4, pp. 166–169. (In Russ.)
7. Ubushuev S.V. [A comparative analysis of short-term liquidity ratio and N3, implementation specifics and issues]. *Innovatsii i investitsii = Innovation and Investment*, 2015, no. 10, pp. 68–72. (In Russ.)

8. Rudenko A.M. [Evaluating the Russian commercial banks' perception of new liquidity standards]. *Vestnik altaiskoi nauki = Vestnik of the Altai Science*, 2015, no. 2, pp. 224–228. (In Russ.)
9. Turova L.A. [Bank capital and liquidity: contributing to the development of the Central Bank of Russia's requirement (Basel III)]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2015, no. 6-2, pp. 822–824. (In Russ.)
10. Shumakova O.D., Sarychev A.A. [Issues of liquidity management in banks during the crisis]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie nauki = Bulletin of Kostroma State Technological University. Series: Economic Sciences*, 2015, no. 1, pp. 39–41. (In Russ.)
11. Markova O.M. [Enforcement of international equity and liquidity requirements (Basel III) in commercial banks of Russia]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 2014, no. 11, pp. 59–65. (In Russ.)
12. Vasil'eva T.A. [Short-term liquidity ratio of banks during the transition to the Basel III International Standards]. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of Voronezh State University. Series Economics and Management*, 2014, no. 4, pp. 47–49. (In Russ.)
13. Rykova I.N. [Major banks' liquidity during the financial market instability]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2015, no. 5, pp. 32–37. (In Russ.)
14. Gubkov E.A. [Irrevocable loan facility of the Central Bank of Russia: a refinancing tool or a method to comply with the short-term liquidity ratio?]. *Bankovskie uslugi = Banking Services*, 2016, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.)
15. Zenchenko S.V., Il'chenko K.M. [On the introduction and implementation of Basel III within the system of the commercial bank's risk management]. *Vestnik SevKavGTI = Bulletin of SevKavGTI*, 2014, no. 18, pp. 13–17. (In Russ.)
16. Eristaev A.A. [The effect of Basel III short-term liquidity requirements on the payment system parties]. *Bankovskie uslugi = Banking Services*, 2015, no. 12, pp. 20–22. (In Russ.)
17. Nosova I.V. [New prudential regulation and supervision measures]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2015, no. 5, pp. 26–31. (In Russ.)
18. Korekov A.V. [Short-term liquidity management in the commercial bank]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Perm University Herald. ECONOMY*, 2015, no. 2, pp. 59–65. (In Russ.)
19. Matovnikov M.Yu. [Regulatory innovation: good or evil?]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2012, no. 5, pp. 30–34. (In Russ.)
20. Shelkunova T.G., Gasieva D.K. [Monitoring the liquidity management of credit institutions in Russia]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Current Issues of Economic Sciences*, 2014, no. 38, pp. 183–193. (In Russ.)